

В.С.Ржеуцкий

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В МОСКВЕ В КОНЦЕ XVIII В.¹

В Екатерининское царствование в Москве появилось большое французское землячество — реальная этническая и конфессиональная общность. На то были свои веские причины:

1. Относительное конфессиональное единство французов в Москве.
2. Ровный по социальному статусу состав, главным образом благодаря удаленности от Двора и главных государственных органов.
3. Малая степень интеграции французов в государственные структуры.
4. Большая концентрация их в двух районах Москвы: на Лубянке и, в меньшей степени, в Немецкой слободе.
5. Высокий статус и, так сказать, затребованность французов в России, что обеспечивало землячеству в целом и каждому его члену в отдельности позитивную этническую идентичность и тем самым усиливало центростремительные тенденции среди московских французов.

Символом и орудием образования землячества стала французская католическая церковь Св. Людовика, инициатива основания которой принадлежала нескольким видным семьям колонии, французскому вице-консулу и, конечно, французским священникам. В разосланном в августе 1789 г. всем московским французам приглашении на общее собрание землячества речь шла об

“устроении французской католической общины отдельно от других, с разрешения Его Высокопреосвященства архиепископа моголевского”, а также о том, что подобное “собрание должно льстить французам, желающим сохранить свою национальную обособленность”, наконец, что таким образом община сможет иметь “своего священника, свои метрические книги, следовать своим

© В.Ржеуцкий.

¹ Русская версия статьи, напечатанной по-французски в журнале *Cahiers du Monde russe*: V.°Rjéoutski, « La colonie française et l'église catholique de Moscou à la fin du xviiie siècle », *Cahiers du Monde russe*, 41/4, octobre-décembre 2000, pp. 615-628.

обычаям в организации церковной службы и избежать в будущем споров, неизбежно рождающихся из различия духа четырех наций, сведенных воедино”.

Первым священником новой церкви стал аббат Пем де Матиникур (Peme de Matignicourt) из округа Шалон-сюр-Марн во Франции. Освящение часовни, устроенной поначалу в доме вице-консула де Босса (de Bosse), произошло 10 марта 1790 г., причем появились три новых священника: аббаты Понс (Pons) и Жирарден (Girardin), второй, как и Матиникур, из Шалон-сюр-Марн, и аббат Шизола. Вскоре в районе Сретинки на Лубянке у г-на Протасьева был куплен дом, на месте которого находится нынешняя церковь Св.Людовика. 30 марта 1791 г. церковь была освящена, “в присутствии французского землячества и с участием русского дворянства”.

Основанный в Петербурге аббатом Николем (Nicolle) частный пансион для детей аристократии не мог приютить всех священников-эмигрантов и едва справлялся с функцией перевалочного пункта, где кочевавшее по Европе французское духовенство могло перевести дух и освоиться в новых условиях. Поэтому священники-преподаватели пансиона один за другим едут искать применения своим силам в Москву, где, в отличие от Петербурга, есть “*французская*” церковь! В старую столицу отправляются Септаво (Septavaux), Сюрюг (Surrugues), Гойе (Gohier), Фромон (Fromont)... Но и новая церковь не могла обеспечить все нуждающееся духовенство. Но французские священники пользовались огромным успехом среди русской аристократии как воспитатели подрастающего поколения русского дворянства: Сюрюг нашел приют у гр. А.И.Мусина-Пушкина, Септаво у Кошелевых, Билли (Billy) у кн. П.И. Одоевского, Кьен (Kien) у Бодиско, Мозан (Moisant) у кнж. Е.А. Лабановой, Перен (Perrin) у генеральши Чернышевой, Флорантен (Florentin) у кн. Г. Галицына.

На Пасху 1791 г. были выбраны новые синдики церкви, на которых ложилась обязанность управления церковью: 2 на постоянной основе — настоятель церкви Матиникур и вице-консул де Босс, 6 из числа постоянно проживающих в Москве французов, 6 их заместителей, также проживающих в Москве и 6 заместителей, временно проживающих в Москве. Среди первых синдигов церкви и тех, чьи подписи стоят под документами об ее основании

несколько купцов, таких как Жан Ларме (Larmée), прибывший из Парижа, в 1775 г. записавшийся в московское купечество; или Яков Режолы (Rejoly), из Гренобля, записавшийся в купцы по Москве в 1774 г.; или Франсуа-Доминик Рис (Riss), уроженец Страсбурга, в будущем один из известнейших московских книгопродавцев; купец Антуан Гамботти (Gambotti), по национальности итальянец, но активный участник всех дел землячества, в Москве по крайней мере с 1770-х гг.; шевалье Жан Дезессар (Desessart), талантливый французский писатель, прибывший в Россию в 1760 г., знавший И.И.Шувалова и служивший гувернером у К.Г.Разумовского; среди первых синдиков и содержатели московских пансионов, родоначальники русских семей Филипп Дельсаль (Delesalle) и Дефорсевиль (Deforceville), с 1770-х гг. проживающие в Москве. Нетрудно заметить, что все это — французы, сравнительно давно и, вероятно, надолго осевшие в Москве. Церковь становилась орудием управления землячеством, причем орудием тем более эффективным, чем больше французы Москвы зависели от нее и чем более независимой в своих действиях была сама церковь. Встал вопрос о разделе двух приходов: новой церкви Св.Людовика и старой, основанной еще при Петре I церкви Св. апостолов Петра и Павла. Этот вопрос бурно обсуждался со всех сторон.

Реакция священников старой Петропавловской церкви на желание разделить приходы вылилась в переписку, тон которой не всегда удавалось выдержать. В 1790 г. священник этой церкви Шауер (Schauer), утверждая, что брак четы Жонкен (Jonquin) должен был быть освящен в его церкви, поскольку невеста – немка, а он ее кюре, а вместо него это сделал священник церкви Св.Людовика, пишет Пем де Матиникуру:

“ Вам предстоит закончить это дело, а я попрошу Вас не утруждать меня более по этому поводу. По крайней мере, если Вы не хотите довести перепалку до войны, которой Вы угрожаете отцам нашей церкви, но в этом случае мы сумеем постоять за себя.

Что же касается отвратительных терминов, которые аббат Матиникур использует, чтобы описать мотивы, по которым скромное число французов вынуждено противостоять Вашему заведению, которое Вы называете столь

полезным [то есть церкви Св.Людовика — В.Р.], эти мотивы отвратительны для многих из тех, которые стали объектом этой ненависти”.

В январе 1792 г. архиепископ Сестренцевич поведал участвующим в схватке, что

“меня меньше огорчает необходимость отвечать на ваши многочисленные вопросы, чем меня удручают трудности, в которых происходит разделение приходов, трудности, проявляющиеся во вновь и вновь поступающих ко мне и в консисторию требованиях объяснений.”

Смущенный накалом мирских страстей, архиепископ увещевает священников именем Христа, чтобы единственным двигателем их в этом деле было наставление и поучение народа. Реальность была далека от пожеланий предстоятеля русской католической церкви. Чтобы прекратить раз и навсегда споры и ссоры, Сестренцевич предписывал в том же письме начала 1792 г. следующее:

1. Все подданные французского королевства образуют новый приход (то есть приход Св.Людовика).

2. Все остальные католики остаются в старом католическом приходе.

3. Выходцы из стран, где говорят по-французски, пусть они владеют еще каким-нибудь языком, например, немецким, смогут выбрать один или другой приход, но не смогут покинуть единожды выбранную церковь.

Наконец, в середине 1792 г. прибыло предписание архиепископа Сестренцевича разделить два католических прихода Москвы на французский и немецкий, то есть по чисто национальному признаку. Это было на руку главным образом французским священникам:

1. Им это было выгодно с материальной точки зрения, так как благосостояние церкви зависит, конечно, от числа и состоятельности прихожан.

2. Это было очень важно для французского духовенства и тех французских семей, которые, осев в Москве, не стремились быстро обрусеть: отдельный французский приход позволял, казалось, замедлить неумолимый процесс ассимиляции.

3. Но это было выгодно и с других точек зрения: например, французским священникам не вменялось в обязанность читать проповеди по-немецки, если в церкви не было немцев (практически никто из французского духовенства в Москве не владел, кроме французского, другими живыми языками).

Предписание архиепископа было выполнено с ревностью. Было решено исключить из числа синдиков Гамботти (Gambotti), несмотря на то, что, несомненно свободно владея французским языком, Гамботти еще в 1777 г. был включен французским вице-консулом в список французов Москвы.

Раздражение священников Петропавловской церкви, вероятно, было прямо пропорционально количеству «отторгнутой» у них паствы. А удар был ощутимым. В предшествующие основанию церкви Св. Людовика годы число крещений в Петропавловской церкви колебалось около 45 в год, достигнув пика в 1788 г. — 50 крещеных. В 1791 г., в год, когда церковь Св. Людовика фактически начала функционировать, это число падает до 32, а в 1792 г. даже до 27, то есть уменьшается почти в два раза всего за несколько лет. Зато год от года больше крестимых в церкви Св. Людовика: 12 детей в 1790 г., 27 в 1791 г., и 29 в 1792 г. Объявленное на одной из месс в августе 1792 г. решение о разделе католических приходов узаконило шедший уже полным ходом процесс. Интересно, что и общее число крещеных в обеих католических церквях увеличивается с каждым годом за счет церкви Св. Людовика. Вряд ли на статистику повлиял значительно переоцениваемый для Москвы приток эмигрантов из революционной Франции, наполовину состоявший к тому же из священников. Ответственность за «бебибум» возложим, в порядке рабочей гипотезы, на старожилов колонии.

Золотой век французской колонии в Москве мог неожиданно закончиться, едва начавшись. В начале 1793 г. в Россию приходит известие о казни Людовика XVI. При Дворе был объявлен траур, Екатерина II, по свидетельствам, слегла, узнав эту новость. Царский гнев не заставил себя ждать.

Указом от 8 февраля 1793 г. приостанавливалось действие торгового договора между Францией и Россией от 1786 г., вход французским судам в русские порты запрещался, французские дипломаты выдворялись из пределов Империи, и, пожалуй, главное, — все французские подданные обязаны были принести присягу на верность королевской власти, под угрозой изгнания из

России. Присягу приносили в церкви, целуя крест, после чего присягнувшим выдавали своего рода вид на жительство в России.

Возможно, не будет ошибкой сказать, что на французов, живущих в России, на каком-то этапе посмотрели как на своего рода заложников, которые при случае могли бы стать орудием политической игры. И пусть само слово “заложник” не было произнесено так явно, как это будет сделано уже в царствование Александра I, но идея витала в воздухе и напрашивалась сама собой. Таким образом, положение русских французов, казалось, зависело только от внешнеполитической конъюнктуры, от развития событий на их родине. Однако вызваны ли принятые меры только внешними причинами?

Не только слухи, но и факты, напрямую изобличающие некоторых “русских французов”, питали царский гнев. Некоторые московские книгопродавцы-французы, например, братья Ге (Gay) или Куртенер (Courtener), открыто торговали комплектами периодического издания Камилла Демулена “Революции Франции и Брабанта”, политическими памфлетами, такими как “О свободе печати” Мирабо, эстампами, изображавшими взятие Бастилии и т.д.

Кроме того, в ходе расследования в 1792 г. деятельности Н.И.Новикова, Типографической компании и московских масонов вообще, было выяснено, что Новиков сотоварищи получали иностранные книги через московских книгопродавцев Бибера и Утгофа, кажется не французов. Книги эти, среди которых были и запрещенные, были обнаружены практически у всех держателей книжных лавок, надо думать, и у французов тоже. Но деятели Новиковского круга не поддерживали отношений с французскими масонами в Москве, считая французскую масонскую систему баловством, забавой.

Но полиция, вероятно, была осведомлена, что с 1774 г. в Москве существовала французская масонская ложа “La Réunion des étrangers”, в которой мастером стула был француз Манжо (Mangeot), а членами — вся торговая “верхушка” колонии. Купеческая масонская ложа стала, надо думать, своеобразным штабом иностранного купечества в его борьбе с русскими купцами на московском рынке, в “пандан” купеческому обществу Москвы, в котором балом правили, конечно, русскоязычные купцы, “наши заклятые враг”, по выражению одного французских купцов, члена этой ложи. Важно, что сами слова “французская масонская ложа” прозвучали и, может быть, не остались

незамеченными. Тем более, что расследование деятельности Новикова проводил главнокомандующий Москвы кн. А.Прозоровский. При нем же приводились в действие меры, принятые русским правительством против французского землячества.

В том же 1793 году, наряду с приведением к присяге и переписью землячества, указом Императрицы радикально менялся статус французской церкви. Ей запрещалось называться французской. Настоятель (superior) церкви Св.Людовика подчинялся настоятелю Петропавловской церкви. Проповеди должны были читаться в обеих церквях как по-французски, так и по-немецки. И главное – прекращалось разделение паствы по национальному признаку и никто отныне не должен был приписываться к тому или иному приходу: французы могли свободно ходить в Петропавловскую церковь, венчаться там и крестить своих детей бок о бок с немцами, итальянцами, поляками, что неизбежно вело к более оживленным контактам с другими иностранными землячествами старой столицы. Эти решения не могли не ускорить ассимиляцию французов и вставали на пути складывания организованного землячества.

Тогда же в 1793 г. был выдворен из России и первый настоятель церкви Св.Людовика, Пем де Матиникур. Существует письмо военного губернатора Москвы кн. А.А. Прозоровского архиепископу Сестренцевичу, которое дает представление об обстоятельствах этого дела:

“Превосходительный Господин Архиепископ Могилевской Римско-Католической церкви, Милостивый Государь Мой! Ваше Превосходительство изволите уже знать последовавший высочайший Ея Императорского Величества указ, о высылке из пределов Российской Империи французов, — кроме тех, которые учинят присягу по форме данной — от Ея Величества. Исполнение сего указа последовало уже и в столице Московской, и я от губернатора получил рапорт, как я таперь нахожусь здесь, где между прочим объясняет он мне, что попризыве в губернское правление католицких священников, уроженцов государства французскаго 1й супериор прежней католицкой церкви Петра и Павла родом из Страсбурга Мауер, 2й вновь заведенной церкви аббат Пем де Матиникур и 3й вновь вашим преосвященством определенной Священник, выехавший из Франции по начатии в оной безпорядков, и нехотевшей присягать установленной национальным собранием присяги для Духовенства изданной

Моазан, из них первые два, по выслушании на французском языке указу и присяги объяснили, что против совести их почтают сию сделать присягу, в чем подписались, и им губернатор запретил яко развратных мыслей людям, исполнять служение и сказывать казаны, третий же Моазан присягнул и остается в России, а аббат Матиникур осмелился писать к Ея Императорскому величеству делать возражение нависочайший Ея Величества всеобщий закон для всех французов. То Ея Величество будучи о всем происшествии от меня уведомлена, указать изволила обоих выслать, хотя Мауер и хотел после дать присягу, но Ея Величество принимать от него оной не приказала, да и о прежнем поведении аббата Матиникура во вновь учрежденной церкви, о котором я Ваше Превосходительство в прежних моих писаниях уведомлял, и еще здесь скажу мое заключение, что аббат Матиникур не для моления Богу оную посвятил, а для властолюбия, и других может быть дурных видов ему хотелось всю французскую больщею частию сволочь собрать в одно место, а всего полезнее ему казалось при церкви подпредлогом восстановления католицкой веры, а тем изделалась бы колония, как он ее и называет, а он бы ей повелевал и учреждал; в сей церкви небыло никогда должной благопристойности, и в том ее дворе заведен был называемый пенсион, где держали стол, напитки, кофе и чай, все газеты и журналы сходились читать о политике рассуждать, следственно она была более похожа на трактир или постоянной дом как дом Божией молитвы”.

Забавны улики, которые вряд ли проверялись, но соответствовали понятию Прозоровского о “трактире или постоянном доме”: тут в одном ряду с газетами и политическими разговорами фигурируют кофе и чай. Возможно, в оправдание такой меры как изгнание священника, Прозоровский пишет не только о проявлениях властолюбия, но и “других может быть дурных видах”, ради которых французов надо было собрать в одно. Фраза, при своей туманности, бьющая прямо в цель: когда вокруг поговаривают о французском шпионе, замышляющем на здоровье Ее Величества, мало ли какие “виды” могут иметь его соплеменники, а может быть и дурные?

Из письма понятно, что Прозоровский о поведении аббата Матиникура сообщал не единожды архиепископу (“в прежних моих писаниях уведомлял”, пишет Прозоровский), то есть и аббат и церковь находились под наблюдением задолго до 1793 г. Другими словами, в 1792 г. Прозоровским одновременно

проводилось расследование деятельности московских масонов и надсмотр за вновь образованной церковью и прибывшими французскими священниками. Вряд ли можно настаивать на этой параллели, кроме как имея ввиду естественную бдительность, за которую Прозоровский и был удостоен поста военного губернатора Москвы. Но в любом случае этот вопрос пока остается открытым.

Решение об уничтожении церкви Св.Людовика как французской имело далеко идущие последствия. Если для правительства эта мера была, видимо, исключительно политической, то для тех французских семей, которые составили костяк колонии и которые принимали самое активное участие в создании этой церкви именно как французской, это был психологический удар.

Вскоре выяснилось, что мера была совсем не символической. После 29 крещеных в церкви Св.Людовика в 1792 г., в 1793 г. их было уже 25, 23 в 1794 г., по 20 в 1795 и 1796 гг., и всего только 8 в 1797 г. То же и с числом сочетающихся браком: в 1790 г., когда открылась церковь Св.Людовика, было 5 венчаний, в 1791 г. 8, в 1792 г. 6, в 1793 г. только 5, далее в течении трех лет по 4 пары в год, а в 1797 г. только одна. В то время как Петропавловская церковь выходит на свои прежние показатели: с 27 крещеных в 1792 г. до 42 в 1797 г. Итак, к 1797 г. французская церковь заметно пустеет. Что же происходит в землячестве?

К 1793 г. самую значительную группу в землячестве (не менее 20%) составляла молодежь, родившаяся в России от французских родителей. Может быть, молодые французы в Москве менее трепетно относились к своей исторической родине, чаще заключали смешанные в этническом отношении браки, что толкнуло их перейти в старую, не “маркированную” этнически католическую церковь Москвы? Но в конце XVIII в. нет оснований говорить о спайке с русскоязычным населением, и даже, казалось бы, о существенном смешении французов с другими иностранцами в Москве: французы женятся между собой, насколько это оказывается возможным.

События 1793 г. не могли не повлиять на самосознание русских французов: в обществе для многих образ француза как наиболее просвещенного европейца сменился на образ варвара. Французы в 1793 г. почувствовали себя в

заложниках большой политики, и ощущение этнической безопасности дало трещину.

Еще один фактор, который нельзя не принимать во внимание, – тяжелое материальное положение новой церкви. Именно к 1797 г. из-за долгов церковь перестала бы принадлежать французскому землячеству, если бы не усилия одного из синдигов, Дело (Deleau), который собственными средствами вытаскил церковь из цепи долговых обязательств, и даже отремонтировал ее.

Приведем конкретный пример, показывающий какую роль в жизни французской семьи в Москве мог играть выбор одной из двух католических церквей. Среди шестнадцати детей Филиппа Дельсаль (Delesalle), первоначально одного из заместителей синдигов церкви Св.Людовика, выделим двух сыновей, оставивших обильное потомство.

Два родных брата Жозеф и Габриэль Дельсаль по-разному начали свою жизнь. Жозеф поступает на государственную службу, Габриэль открывает французский пансион в Москве. Первые дети Габриэля крещены в Петропавловской церкви, но со времени открытия церкви Св.Людовика он крестит своих детей только там, в новой *французской* церкви. Зеркальной противоположностью своему брату был Жозеф. Его жена — лютеранского вероисповедания, а своих детей они крестят не иначе как в Петропавловской церкви, даже в тот период, когда все французы официально были приписаны к французской церкви.

Важным штрихом к картине будут восприемники. Из семи детей Жозефа четверых держали над купелью церкви Св. Апостолов Петра и Павла высокопоставленные покровители семьи: Петр Федорович Балк-Полев и Елена Сергеевна Шереметева. Матерью Петра Федоровича Балк-Полева была Прасковья Сергеевна Шереметева, родная сестра Елены Сергеевны Шереметевой, монахини, то есть Петр Федорович приходился ей племянником. Один из детей Жозефа – Петр Дельсаль – будет участником заграничных походов русской армии в Отечественную войну 1812 г., вторым браком он будет женат на Софье Николаевне Дурново.

Отношения этих Дельсаль с Шереметевыми продолжались и вне стен церкви. В 1793 г., когда французы дрожали в ожидании репрессий со стороны властей, губернатор Волынской губернии Василий Сергеевич Шереметев, брат

вышеупомянутых Шереметевых, берет Жозефа к себе на службу и увозит его из Москвы.

Итак, в землячестве налицо центробежные процессы, результатом которых станет быстрая ассимиляция части членов французской колонии. Суммируем причины, определившие характер и скорость ассимиляционных процессов.

С одной стороны, это страх поплатиться за действия своих соотечественников во Франции, естественное желание обезопасить себя и свою семью от возможных ударов, мишенью которых землячество могло стать в любой момент при нежелательном для русской короны развитии событий во Франции. С другой стороны, на изменение ценностных установок в направлении ассимиляции, конечно, влияли контакты с русской аристократией: работа в семье аристократа, патронаж вельможей французской семьи и т.д. Не случайно, именно семья Жозефа из всех Дельселей первой сделала шаг в направлении ассимиляции. В 1807 г. Жозеф с женою и детьми принял русское подданство, а браки его детей показывают решимость полностью интегрироваться в русское общество. Сразу же после Отечественной войны 1812 г. он предпринимает попытку получить дворянское достоинство в России по заслугам, оказанным его новой родине во время войны.

В дальнейшем, потомки Габриэля останутся в Москве, где на протяжении нескольких поколений они будут содержать французские пансионы. Они еще долго будут крестить своих отпрысков в церкви Св.Людовика. Потомки Жозефа окажутся в Петербурге, перейдут в православие, некоторые из них достигнут генеральских чинов, а один возглавит Управление Императорским Зимним дворцом.

Итак, выбор одной из двух католических церквей в Москве для француза имел особое значение. Церковь Св.Людовика была центром жизни французского землячества: напомним, что военным губернатором Москвы она уподоблена французскому клубу. Для французской семьи переход в другую церковь был, вероятно, знаковым: это была возможность уйти из землячества, «не хлопая дверью». Желали ли эти французы быстрее ассимилироваться или только думали о личной безопасности и выгоде? В сущности, не так уж важно: объективно они вставали на путь ассимиляции.

Ни священники, ни главные семьи землячества не хотели мириться с такими “утечками”. Поэтому все усилия как светской, так и духовной власти объединить католические приходы Москвы встречали отчаянное сопротивление с их стороны. Следующий священник церкви Св.Людовика Гойе (Gohier) беспрерывно пикировался с настоятелем католических церквей в Москве Пешке. Наконец, не сумев поделить нескольких покойников, которых при жизни французская колония считала своими членами, но отпевание по которым состоялось в Петропавловской церкви, синдики церкви Св.Людовика обратились в Петропавловскую церковь с официальным письмом. В сдержанных, но едких выражениях, они напоминают сколько копий было поломано во время похорон графа Жилли (Gilli), которого сами священники немецкой Петропавловской церкви признали прихожанином церкви Св.Людовика. Похороны француженки Коздые (Cozdier), скончавшейся в 1802 г., вызовут новую бурю гнева. Синдики французской церкви писали:

“хотя желание не нарушать мира и не допустить скандала мешает нам возвращаться к прошлому, мы тем не менее обязаны предупредить подобные происшествия на будущее: поэтому мы просим вас, господа, заверить нас в этом письменным ответом, которым вы нас чрезвычайно обяжете; будьте уверены, что мы постараемся, насколько это возможно, не возмущать спокойствия и, что нам бы было бесконечно жаль, если бы нас вынудили прибегнуть к более действенным мерам, чтобы в судебном порядке пресечь попытки нарушить права церкви, которой мы управляем”.

Официального возвращения к отдельному существованию двух приходов удалось добиться лишь к 1812 г. 15 февраля этого года от архиепископа Станислава Сестренцевича поступило распоряжение считать два прихода отдельными. К французскому приходу должны были принадлежать все рожденные на территории французской империи, также как и выходцы из нее. При этом особо оговаривалось, что фактор языка не принимался во внимание, так как на французском языке говорят не только французы. Все остальные католики Москвы должны были принадлежать к Петропавловской церкви. Обязанность определения нации прихожанина, в спорных случаях, ложилась на

обер-полицмейстера Москвы. Отдельным пунктом настоятелю церкви Св.Апостолов Петра и Павла запрещалось вмешиваться в пасторские дела священника французской церкви.

Так победой, пусть и запоздалой, окончилась история борьбы горстки французов за право иметь свою церковь. Но эта победа подоспела ко времени Отечественной войны 1812 г., когда объективно она заработала землячеству скорее лишние минусы чем плюсы.